

УДК 94(470)''1861/1917'':316.343–055.2

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИЗАЦИИ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

3. 3. Мухина

Старооскольский технологический институт (филиал) НИТУ МИСиС, 309516, Белгородская область, Старый Оскол, микрорайон Макаренко, 42
mukhiny@mail.ru

Рассматриваются процессы социализации русской крестьянки. Обращается внимание на изменение положения женщины, связанное с модернизацией. Обратной стороной попыток крестьянского общества сохранить патриархальные порядки в пореформенный период явились процессы противоположного характера, расшатывавшие прежние устои.

Ключевые слова: русская крестьянка, семья, повседневность, положение женщины, традиция, воспитание детей.

В процессе социализации происходит активное усвоение социокультурного опыта (социальных норм, ценностей, образцов поведения, обычаев, традиций, верований), являющегося базисом повседневной жизни. В крестьянском обществе доминантой пубертатного периода жизни девушки была подготовка к замужеству. Однако процессы социализации продолжались и после выхода замуж, поскольку усваиваемый социокультурный опыт соотносился с возрастной, имущественной и другой стратификацией.

Общее представление о рассматриваемом вопросе дается в работах дореволюционных авторов [Успенский, 1890; Жбанков, 1891; Астырев, 1898; Энгельгардт, 2010; Якушкин, 1896], статьях Н. Л. Пушкаревой [Пушкарева, 2005; 2009], С. С. Крюковой [Крюкова, 1994], С. Б. Адоньевой [Адоньева, 1998]. Отдельные аспекты этого вопроса затронуты в сборниках зарубежных авторов [The Family..., 1976; Women..., 1978; Russian..., 1992]. Однако в указанных исследованиях, посвященных русской крестьянке, обычно не анализируется ее положение в плане социализации. Механизм обретения русской девушкой-крестьянкой социокультурного опыта, являющегося одним из структурообразующих факторов ее повседневной жизни, рассмотрен в статьях [Мухина, 2010]. В них установлен вектор, в соответствии с которым происходило воспитание, приобретался социальный и культурный опыт, формировалось мировосприятие, что в конечном счете определяло мотивы поведения и всю повседневную жизнь русской крестьянки. Логическим продолжением исследования является настоящая работа, посвященная анализу дальнейшего овладения крестьянской женщиной социокультурным опытом.

В статье использованы материалы Архива Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, опубликованные в 2004–2008 гг. в 10 книгах «Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы» (далее РКЖБН), охватывающие губернии Центральной России и Русского Севера: Костромскую, Тверскую, Ярославскую, Калужскую, Нижегородскую, Вологодскую, Курскую, Московскую, Олонецкую, Псковскую, Санкт-Петербургскую и Тульскую), книги «Быт великорусских крестьян-землепашцев» (Владимирская губерния) [Быт..., 1993], а также переизданной в 2010 г. книги О. Семеновы Тян-Шанской о быте крестьян (Рязанская губерния) [Семенова Тян-Шанская, 2010], материалы к которой были впервые представлены в «Записках Императорского Русского географического общества по отделению этнографии», и фольклорные материалы В. И. Даля [Даль, 1984] и Я. Кузнецова [Кузнецов, 1909].

Выход крестьянки замуж не означал перехода в четко и однозначно определенное состояние, замужество допускало вариативность по вертикали и по горизонтали. Вариативность по вертикали была обусловлена имущественным и, как следствие, социальным расслоением, чему активно способствовали развитие рыночных отношений и рост индивидуализма. Хотя по данным Б. Н. Миронова до 1917 г. крестьянство в имущественном и социальном отношении оставалось довольно однородной массой [Миронов, 2000, с. 129], важным является сам факт такого расслоения. Этот социальный процесс, даже незначительно выраженный в количественном отношении, оказы-

вал влияние на все мироощущение деревни. Воздействие кулаков было непропорционально их количеству. Даже один кулак оказывал сильное влияние на деревенскую жизнь [Энгельгардт, 2010, с. 448–452]. Сам он непосредственно в хозяйстве уже не работал, приторговывал всем, чем только было можно, «зашибал деньги», половина деревни у него была в должниках, его ненавидели, ему завидовали, перед ним пресмыкались, он являл живой пример того, как можно жить иначе [Там же]. Поэтому имущественная и социальная дифференциация, если даже она затронула относительно небольшую часть крестьянства, является очень важным фактором, который нельзя недооценивать.

В пореформенное время драматическим образом изменилась жизнь крестьянства. Из-за малоземелья и аграрного перенаселения значительно ухудшилось экономическое положение крестьянства. Так, с 1861 по 1900 г. в Курской губернии количество земли и посевов на душу населения сократилось на 27,4% [Овчинников, Тройно, 2003, с. 125]. Такое явление было характерно для многих губерний Центральной России. Кроме добывания средств на жизнь крестьянину нужно было осуществлять выкупные платежи за землю, платить налоги и содержать земство. Начавшаяся индустриализация разрушала сложившиеся местные кустарные промыслы [Естественные..., 1912, с. 121]. Неудивительно, что в иных случаях «Положение» об эмансипации крестьянства от 19 февраля 1861 г. в народных представлениях находилось в одном ряду с несчастьем, пожаром, смертью [Там же, с. 174]. Дополнительные заработки были настоятельной необходимостью. Отходничество приняло массовый характер практически во всей Центральной России.

Таким образом, экономические трудности вызвали увеличение диапазона вариативности по горизонтали – выделились семьи, в которых мужья занимались отхожим промыслом, а также семьи, где в отхожий промысел были вовлечены и женщины. И, хотя процент женщин-отходников возрастал, они все же составляли незначительное меньшинство женского населения по всем российским губерниям [Энгел, 1996, с. 88]. Интересен факт, который приводит американский исследователь С. Френк. Он пишет, что в 1889 г. земские начальники получили право выдавать паспорта женщинам для ухода на заработки в город независимо от разрешения мужа [Попова, 2005, с. 204].

Конечно, отхожим промыслом крестьяне занимались и раньше, но в пореформенное время это явление значительно распространилось. Реалии пореформенного времени обусловили большую подвижность по вертикали, однако для подавляющего большинства крестьянского населения движение по вертикальной составляющей происходило в сторону ухудшения материального положения. Движение по горизонтали являлось средством удержания на прежнем уровне, позволяло не опуститься вниз по вертикали. Увеличение подвижности по новым степеням свободы – вертикальной и горизонтальной – предполагало и новые пути социализации крестьянской женщины.

Следует отметить, что ни одна характеристика крестьянского общества не может быть достаточно полной. В нем был представлен сложнейший сплав самых разнообразных и зачастую противоречивых связей, отношений, страстей, интересов.

Грубые и жестокие нравы крестьянской среды в первую очередь отражались на жизни женщин. Можно привести огромное количество примеров жестокого, порой зверского, обращения мужей с женами [Кузнецов, 1909, с. 10–11; Пушкарева, 2009, с. 127; Щербинин, 2003, с. 48; Новиков, 1899, с. 68; Семенова Тян-Шанская, 2010, с. 30; РКЖБН, т. 2, ч. 1, с. 599; т. 2, ч. 2, с. 363]. Такое крайне возмутительное по современным меркам отношение к женщине, однако, далеко не всегда вызывало явный протест [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 364; т. 3, с. 434]. Женщины редко подавали в суд жалобы на жестокое обращение мужей. Все же следует отметить, что в пореформенное время отношение властей и крестьянской общины к такого рода поведению мужчин стало, хоть и медленно, меняться. Волостные суды осуждали мужей не только за побои, но и за оскорбления жен словами, расточительство, пьянство [Якушкин, 1896, с. 541; РКЖБН, т. 2, ч. 1, с. 461; т. 5, ч. 2, с. 794–821; т. 5, ч. 4, с. 330; т. 6, с. 101–132] и т.д. Среди женских преступлений мужеубийство стояло на втором месте после детоубийства (в одном случае из трех – отравление) [Статистическое..., 1874, с. 316]. Но иногда бывало так, что чем грубее обращался муж с женой, чем больше ее бил, тем сильнее она к нему привязывалась: «”А что, девонька, любит тебя муж-то?”. “Как не любить ... Бьет больно – значит любит”. – “А меня вот не бьет. Ругать – ругает, а не бьет”, – уныло отвечала соседка» [РКЖБН, т. 3, с. 433].

Крестьяне смотрели на нарушение супружеской верности «как на очень большой грех». Однако мужчинам за прелюбодеяние «полагалось» чаще всего моральное наказание. К замужним

женщинам, изменившим мужьям, относились строго. «Такие бабы вдвойне грешат... и чистоту нарушают, и закон развращают» [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 378]. Подобных женщин называли «расташахами», «несоблюдихами», «распутными», «блудными» [Там же, с. 378, 365]. На протяжении всего XIX в. повсеместно использовалось физическое воздействие мужа на жену-изменницу, особенно жестокими были избиения мужьями жен за неверность в центральных и южных русских губерниях [Пушкарева, 2009, с. 127–128; Крюкова, 1994, с. 119; РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 363]. В народе даже признавалось право мужа убить свою жену, если он ее застал с посторонним мужчиной.

Можно привести огромное количество фактов, как подтверждающих, так и опровергающих ранее сказанное. Картина жизни крестьянского общества была далека от идиллии и гармонии, но ее характеристика только в мрачных тонах тоже была бы неверной.

Утверждение об угнетенности, забитости, приниженности крестьянки стало общим местом. Это, безусловно, так, особенно с позиций современного либерального общества. В самом устройстве крестьянского общества женщине изначально отводилось более низкое место в социальной иерархии, чем мужчинам. Побои символизировали власть мужа. Подчинение жены мужу являлось важнейшей составляющей процесса социализации женщины. Главенство мужчины вошло в плоть и кровь крестьянского социума [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 238]. На страже устоявшихся порядков стояла и церковь, которая, в частности, всячески препятствовала реализации такой существенной возможности в отстаивании женщинами своих прав как развод. Однако развод был просто недоступен подавляющему большинству населения в силу действовавшего тогда законодательства [Тольц, 1977, с. 145].

Вхождение женщины в отведенную ей ячейку с жесткими, допускавшими минимальную подвижность канонами предопределяло и процессы социализации. Имели место культурная, социальная и хозяйственная изоляция женщины. Быт и ритуальные функции женщины были четко регламентированы (повседневная и обрядово-религиозная жизнь, отношение к ней окружающих) [Адоньева, 1998, с. 26–27], на все это оказывало значительное влияние существовавшие в народе сакральные представления о женском теле [Кабакова, 2001, с. 28–63]. Консервативность женщин, их приверженность старому в немалой степени способствовали сохранению древних обрядов, обычаев и предрассудков [РКЖБН, т. 2, ч. 1, с. 334].

Принципиальное отличие положения замужней женщины от положения девушки подчеркивалось уже внешними изменениями – в одежде, головном уборе, убранстве волос, в поведении [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 342, 372–373]. В посиделках молодежи замужние женщины могли участвовать в качестве зрительниц, но принимать более активное участие в них считалось предосудительным [РКЖБН, т. 2, ч. 1, с. 68, 321; т. 3, с. 306; т. 5, ч. 2, с. 315]. В некоторых местностях на посиделки и гулянья молодежи замужние женщины вообще не допускались [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 245, 255]. Выйдя замуж, девушка вступала в общество замужних женщин в статусе «молодухи», «молодайки» и оставалась в нем до рождения первого ребенка [Мужики..., 2005, с. 360]. В новой семье молодую обычно встречали добротой и лаской, но через две-три недели взваливали на нее всю домашнюю работу, прямо указывая, что ее взяли в дом в первую очередь как работницу [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 361]. Зачастую домашние бывали так требовательны, что, несмотря на все старания молодой жены, угодить им было никак не возможно, они всегда оставались недовольны ее «ленью». Жизнь молодой жены в семье мужа была обычно несладкой. Она, по крайней мере в первые годы, становилась объектом нещадной эксплуатации [Внуков, 1929, с. 10], муж имел право принудить жену ко всякой работе, даже непосильной [РКЖБН, т. 3, с. 434]. Свекровь старалась взвалить на нее как можно больше домашней работы. Тому же следовали золовки (сестры мужа) и жены его братьев. Отсюда поговорки: «золовка-зловка», «золовка-колотовка», «золовка-мутовка» [Даль, 1984, с. 305].

В пореформенное время участились случаи, когда жена не уступала мужу и даже подчиняла его себе [РКЖБН, т. 5, ч. 4, с. 211]. Если жена еще и била мужа, к нему относились с насмешкой и презрением [РКЖБН, т. 2, ч. 1, с. 499]. Для мужа это было бесчестьем.

Объективность изложения требует представить и другую сторону жизни крестьянки. Женщина обладала вполне определенными правами. Муж не мог выгнать жену из дома. Если сам муж «входил в дом к жене», т.е. ей принадлежали дом и хозяйство, то она в полной мере могла требовать, чтобы муж вел себя в рамках установленных ею правил, иначе она могла его удалить из дома [Там же, с. 461]. Взаимоотношения супругов не сводились лишь к «учению» жены мужем. Наряду с этим зачастую присутствовали и другие отношения. В иных семьях женщин никогда не били

[РКЖБН, т. 3, с. 55]. Муж отводил жене лучшее место в саях или в тарантасе, при подъеме на гору сам шел пешком. Если жена чувствовала себя виноватой в неисполнении работы, приготовлении неудачного обеда, долгом пребывании в гостях, то она кланялась мужу или свекру в ноги и просила прощения [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 325].

Власть женщин в отличие от власти мужчин была неформальной. Муж беспрекословно подчинялся воле жены, когда дело касалось соблюдения различных обычаев и обрядов, даже если сами обычаи и обряды были нелепы [РКЖБН, т. 2, ч. 1, с. 460].

Важность места, занимаемого женщиной в крестьянском обществе, определялась не только ее хозяйственными и семейно-бытовыми ролями. Огромное значение имела обширная ритуальная деятельность женщины. Подробную информацию о ритуалах и роли женщины в их выполнении можно найти в монографии А. К. Байбурина [*Байбурина*, 1993]. Вообще семья в значительной степени была автономной, община предпочитала не вмешиваться в семейные отношения.

Культурная изоляция женщины выражалась в существовании деревенского женского сообщества, когда женщины собирались у кого-либо летом на завалинке или зимой в какой-либо избе – это были своего рода женские клубы, где весьма значительное место занимали всякие сплетни и пересуды [РКЖБН, т. 2, ч. 1, с. 156; т. 3, с. 81, 106, 230, 382; т. 5, ч. 1, с. 299; т. 6, с. 428].

Что касается такого элемента крестьянской повседневной жизни как потребление алкоголя, то без водки не обходилось ни одно сельское торжество. Порой и сельские сходы заканчивались выпивкой [*Астырев*, 1898, с. 71; РКЖБН, т. 1, с. 73]. И среди женщин употребление алкоголя было не таким уж редким явлением [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 202–203]. Пьянство женщин могло принимать значительные масштабы, чему имеются многочисленные свидетельства [*Жбанков*, 1891, с. 70; РКЖБН, т. 1, с. 71; т. 2, ч. 1, с. 512; т. 2, ч. 2, с. 205; т. 3, с. 334; т. 5, ч. 1, с. 180–181; т. 5, ч. 2, с. 711; т. 5, ч. 3, с. 176, 183; т. 5, ч. 4, с. 71]. Застолья с потреблением алкоголя были для женщин одним из немногих способов хотя бы на время выйти из круга повседневных забот.

На процессы социализации крестьянских женщин в пореформенное время оказала влияние модернизация страны. Главными из этих процессов были развитие отхожих промыслов, а также возвращение в деревню крестьянских парней после воинской службы, продолжительность которой значительно сократилась.

В конце XIX в. отходничество приняло значительные масштабы [РКЖБН, т. 1, с. 403, 406; т. 2, ч. 1, с. 12; т. 6, с. 185]. Патриархальный строй пытался приспособиться к новым условиям. На заработки отправляли сыновей с 12–13 лет. Взрослых сыновей посылали на заработки в том случае, если без его рук в хозяйстве можно было обойтись. Отходники не порывали связей с деревней, они считались членами общины. Даже купцы поддерживали связи с деревней [РКЖБН, т. 2, ч. 1, с. 358–359].

Для сохранения сложившихся порядков было важно, чтобы отходники не только приносили деньги в семью и платили подати, но и сами периодически возвращались в деревню. При этом мужчины и женщины имели одинаковое право на отлучку и получение паспортов с согласия родителей, которые в этом случае отвечали за подати и недоимки [Там же, с. 552]. Так, в 1896 г. в Любимском уезде Ярославской губернии по семейным паспортам на отхожие промыслы отправились 472 мужчины и 541 женщина [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 60].

Надо сказать, что сама модернизация носила двойственный характер и проводилась так, чтобы сохранить существующий в России строй. Паспортная система давала возможность отслеживать миграцию населения, что было важно в отношении сбора податей и исполнения полицейских функций.

То, что должно было послужить средством сохранения и укрепления старых порядков, имело свою обратную сторону. Отходничество и связанные с ним процессы явились главным фактором постепенного разрушения патриархального уклада. Показателем этого может служить то, что часть отходников порывали связи с деревней и земледельческим трудом и оседали в городе. В 1908 г. С. Н. Прокопович изучил бюджет петербургских рабочих. По его данным, 34,6% опрошенных одиноких (несемейных) рабочих не имели связей с деревней [*Прокопович*, 1909, с. 10]. Содержать семью в городе могли себе позволить лишь самые высокооплачиваемые рабочие, причем их число было невелико. Для сравнения С. Н. Прокопович приводит данные о типографских рабочих Москвы: 13,6% одиноких рабочих не имели связей с деревней и уже были наемными трудящимися в

полном смысле этого слова [Там же, с. 118]. Даже с этими оговорками следует признать проявление общей тенденции к ослаблению и постепенному разрушению патриархальных порядков.

Заработки отходника за вычетом расходов на его содержание в городе должны были идти на нужды семьи. Сколько же посылалось денег? По данным корреспондентов Этнографического бюро – до 150 руб. в год [РКЖБН, т. 1, с. 244, 255], согласно С. Н. Прокоповичу – от 26 до 171 руб. [Прокопович, 1909, с. 79–80]. Представление о том, много это или мало, можно получить, обратившись к данным корреспондента Этнографического бюро А. В. Балова. Стоимость всего имущества состоятельного крестьянина в Солигаличском уезде Костромской губернии составляла 400–800 руб. [РКЖБН, т. 1, с. 134]. Годовой же доход семьи Сидоровых из Пошехонского уезда Ярославской губернии составил 160 руб., из них 50 руб. прислал отходник из Петербурга. На разные нужды в течение года было израсходовано 87 руб. 60 коп. [Там же]. Как видим, вклад отходников в бюджет семьи мог быть весьма значительным.

Новые веяния затронули разные стороны крестьянского уклада жизни. Изменились представления и о качествах хорошей невесты. Ценились не только здоровье, физическая сила, способность к работе, хорошее приданое, в число приоритетов вошла и внешность невесты. Нередко богатые парни женились на бедных, но красивых девушках [РКЖБН, т. 2, ч. 1, с. 409; т. 5, ч. 2, с. 727]. «Очень часто богатый парень берет девушку только за ее красоту, не спрашивая с родителей никакого приданого», – сообщает корреспондент Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева из Ярославской губернии [РКЖБН, т. 2, ч. 1, с. 404]. Ясно, что такой невесте предназначалась уже роль не работницы, а жены и хозяйки, что существенно меняло традиционные пути интегрированности молодой в пространство замужних женщин. Еще одно изменение затронуло подавляющую часть невест. Распространение фабричных тканей практически вытесняло домотканую одежду, в силу чего умение пряхть и ткать в виде качеств предпочтительной невесты отошли в прошлое [Русские..., 2005, с. 333, 335; Быт..., 1993, с. 216].

Отходничество способствовало определенному смягчению нравов. Расправу с провинившейся женой мужа стремились проводить не публично, а тайком. Имеются свидетельства о том, что женщины лишь изредка стали выносить грубое обращение мужей [РКЖБН, т. 3, с. 550]. Начали уходить в прошлое обычаи издевательства мужей во время свадебного застолья, публичного позора нецеломудренной невесты, сама молодая уже не демонстрировала, что она сохранила невинность. Исчезал обычай обрезания косы у неверной жены [РКЖБН, т. 2, ч. 1, с. 324, 465].

Жена в отсутствие мужа самостоятельно вела хозяйство, платила подати, справляла все повинности. Женщина стала выполнять не свойственную ей ранее типично мужскую работу, требующую большой физической силы: пахать, заготавливать дрова и сено [РКЖБН, т. 1, с. 455; т. 2, ч. 1, с. 356; т. 2, ч. 2, с. 434], быть ночным сторожем, «десятским». После ухода мужа на заработки женщины представляли интересы дома, замещали мужей на деревенских и, реже, волостных сходах. Прежде женщины ни на какие сходы не допускались, а теперь, хоть и не сразу, они приобрели и право голоса [РКЖБН, т. 1, с. 264; т. 2, ч. 1, с. 25, 356].

Увеличение экономической роли женщины стимулировало рождение нового самосознания, способствовало ее самоутверждению. Выполнение домашней работы, в том числе мужской, во время отсутствия мужа, находящегося на заработках, способствовало утверждению положения женщины в глазах общества в новом качестве. «Неудивительно, что женщина, особенно хорошая хозяйка, пользуется глубоким уважением» [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 434]. Экономические отношения в крестьянском обществе были определяющими. Если муж был беден, а жена богата, то жена имела полное право распоряжаться всем хозяйством. В пореформенную эпоху домашняя экономика стала той сферой, в которой могли реализоваться до этого скрытые возможности женщины. Так, в иных случаях из-за отхода на заработки в крестьянских семьях не оставалось ни одного мужчины, поэтому женщины не только полностью управлялись с хозяйством, но и исполняли свои материнские обязанности: растили, кормили и ставили детей на ноги. Такая женщина в полной мере была хозяйкой, на ней держалась вся семейная и хозяйственная жизнь. Неимоверно тяжелый труд имел следствием приобретение независимости, возможности работать на себя, освобождение от неволи [Успенский, 1890, с. 137–154]. Такие женщины выросли как личности, узнали цену себе и своему труду.

Косвенным свидетельством возросшего самосознания женщин явились участвовавшие случаи их жалоб в волостные суды на оскорбления и побои мужей [РКЖБН, т. 5, ч. 2, с. 794–821; т. 6,

с. 101, 132]. Из-за издевательств молодая жена уходила к родителям, при этом далеко не всегда удавалось возвратить ее назад [Успенский, 1890, с. 152; РКЖБН, т. 5, ч. 4, с. 211].

Осознание женщиной своего личного достоинства проявлялось, например, в случаях открытого неповиновения начальству. Их редко привлекали за это к ответственности, исходя из того, что «баба глупа, не понимает, что делает». Иные из женщин даже злоупотребляли своей безнаказанностью, мужчине же такие действия никогда не могли сойти с рук (оскорбления, неявки в суд и т.д. «Я – баба: с меня взятки гладки») [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 18]. Продолжительное отсутствие мужей, иногда длившееся годами, помещало женщину в маргинальное положение – «Ни девица, ни вдова, ни мужняя жена».

Свадьбы большей частью проходили зимой, максимум рождения детей приходился на лето–осень. Огромные физические нагрузки приводили к нарушению биологических циклов у женщин, у них прекращались менструации, хотя они не были беременны и не кормили грудью. Родившийся в страдную пору ребенок находился в поле рядом с матерью, надолго предоставленный самому себе, в грязи, лишенный регулярного кормления. Больной ребенок обычно не получал надлежащего ухода, за ним лучше присматривали лишь в том случае, если у матери было мало детей (один-два). Неудивительно, что отмечалась повышенная смертность детей [Жбанков, 1891, с. 91; Труды..., 1905, с. 44; РКЖБН, т. 1, с. 66].

Несмотря ни на что, девушки стремились к браку с отходниками («Если кое-кто из парней и остается, то девушками за женихов не признается, потому что он не питерщик... Питерщики здесь – законодатели мод» [РКЖБН, т. 1, с. 174]). Большое значение для них, конечно, имела материальная сторона. Деньги, заработанные отходником, могли существенно влиять на бюджет крестьянской семьи. Главным же было то, что у женщины появлялся шанс стать хозяйкой, быть независимой. Раннее становление женщины как личности могло происходить лишь в жестких рамках патриархального строя и определялось традиционными женскими обязанностями. Неудивительно, что большинство женщин были неграмотными, не умели считать в уме, у них был узкий кругозор [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 315; т. 6, с. 143]. Судя по Всеобщей переписи населения 1897 г., женщины нередко затруднялись дать ответ на вопросы о своем возрасте, месте рождения, месте жительства («Где родилась?» – «У себя в деревне», «Мамка не говорила, где родила», «Дома», «На гумне») [Отчет..., 1898, с. 150–160].

Результатом отходничества явилось также усиление процессов, стимулировавших вариативность положения женщины. Значительное число отходников работало на вредном производстве. При крайне низкой тогда охране труда среди них была повышенная смертность. По данным Б. Энгель, в двух уездах Костромской губернии с наиболее развитым отходничеством – Солигаличском и Чухломском – в 1897 г. в группе женщин до 30 лет вдовы составляли 14,3%, от 30 до 50 – 18,2%, тогда как в среднем по губернии – 9,8% [Engel, 2004, p. 52].

Положение вдов в семье было крайне незавидным. Не зря по народным представлениям обижать вдов и сирот считалось большим грехом, виновных в котором «Бог накажет». В особенно тяжелое положение попадали те вдовы, которые оставляли хозяйство и отправлялись в города в надежде на лучшую жизнь. Такие надежды редко когда оправдывались: на фабрики, в земледельческие хозяйства с наемным трудом, в прислуги требовалась молодежь. Большая часть вдов и их детей пополняли ряды обездоленных и бесприютных, часть вдов становились проститутками.

В пореформенной деревне участились разделы семьи, в некоторых местностях стали преобладать малые семьи. Например, по сообщению корреспондента Этнографического бюро, в д. Тупицыно Зубцовского уезда Тверской губернии имелись 43 малые семьи против 10 больших (состоящих из мужа с женой и женатого сына с детьми) [РКЖБН, т. 1, с. 446; т. 4, с. 112]. Правительство забило тревогу, поскольку в малых семьях значительно увеличивалась возможность ухудшения экономического положения, что отрицательным образом влияло на сбор податей. Разделы больших семей происходили и в крепостное время. Но они были нечасты, поскольку сдерживались общинными порядками и властью помещиков. По многочисленным сообщениям корреспондентов Этнографического бюро, инициаторами разделов чаще всего выступали женщины из-за ссор, неуживчивости, а то и по какому-либо ничтожному поводу [РКЖБН, т. 1, с. 50, 242, 329–330, 345–348, 550; т. 2, ч. 2, с. 329, 333, 374; т. 3, с. 63]. «Наши бабы того гляди, что глаза друг другу выцарапают, один раз мою жену невестка чуть слепой не сделала: сучком в глаз ткнула... к дохтуру возил» [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 329].

И. Н. Милогорова, говоря о причинах раздела, указывает на целый комплекс явлений хозяйственного, нравственного и личного порядка при определяющей роли хозяйственного фактора [Милогорова, 1987, с. 38]. Действительно, разделы происходили даже в бедных семьях, делились на свой страх и риск в надежде, что выделение из большой семьи и обзаведение собственным хозяйством приведет к росту благосостояния. Полагаем, что не меньшее значение в этой ситуации имели такие черты крестьянского менталитета, как чрезвычайно развитый индивидуализм, стремление к самостоятельности, желание работать на себя, особенно у женщин. «Мужчины остаются мало в селе, полевые работы приходится нести женщинам; последние из кожи лезут вон при исполнении работ по своему хозяйству в отдельности, но редко согласятся работать как родственницы, сообщая», – отмечает корреспондент Этнографического бюро из Костромской губернии [РКЖБН, т. 1, с. 69].

На отхожие промыслы стали отправляться и женщины. Их отпускали очень неохотно. Масштаб этого явления был значительно меньше по сравнению с мужским отходничеством. Так, в Любимском уезде Ярославской губернии за 1896 г. мужчинам было выдано 4394 годовых паспорта, 2808 – полугодовых, женщинам – соответственно 586 и 506 [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 60]. Из статистических данных Богородице-Рождественской Банчаковской церкви Грязовецкого уезда Вологодской губернии следует, что из 347 мужчин на заработки уходило 100, из 421 женщины – 80, а в с. Шалданово из 38 мужчин на заработках находились 20, из 51 женщины – 13 [РКЖБН, т. 5, ч. 2, с. 28]. Женщины шли работать кухарками, няньками, горничными и т.п., главным образом в Москву и Петербург. Некоторые уходили в работницы к зажиточным крестьянам [РКЖБН, т. 2, ч. 2, с. 47, 199]. Бывали случаи, когда женщины начинали заниматься ремесленным производством, например, сапожным, портняжным, скорняжным, медносамоварным делом [Там же, с. 106, 203]. Женщины нанимались на ткацкие фабрики, вместе с детьми занимались изготовлением изделий из шерсти (варежек, перчаток, чулок и т.п.) [Быт..., 1993, с. 115]. Молодые женщины, особенно бездетные, уходили в работницы не только в ближние города, но и даже в Крым. Если раньше их возвращали мужьям в принудительном порядке, то теперь даже таким образом стали возвращаться далеко не все [РКЖБН, т. 3, с. 550]. Женщины находили дополнительные заработки, нанимались мыть полы, на разного рода поденную работу [РКЖБН, т. 5, ч. 1, с. 393]. Хотя женское отходничество имело по сравнению с мужским относительно небольшой масштаб, его роль в расшатывании устоев патриархальных порядков была непропорционально большой.

Таким образом, процессы социализации русской крестьянки были объективно обусловлены типом хозяйства. Его характер определял многочисленные женские обязанности, деятельность женщины имела жизненно важное значение для семьи. С развитием отхожих промыслов роль крестьянки еще более возросла. В отсутствии мужчин она становилась ключевой фигурой в хозяйстве, происходило качественное изменение ее значимости для семьи и общества, статус женщины-крестьянки повышался в личном и социальном пространствах. Развитие отхожих промыслов явилось реакцией крестьянского общества на реалии пореформенного времени, отразило стремление приспособиться к новым условиям, восстановить стабильность. Вместе с тем рассмотренные процессы в крестьянской среде способствовали расшатыванию патриархальных устоев, обеспечивали переход к новым формам жизни.

Библиографический список

- Адоньева С. Б. О ритуальной функции женщины в русской традиции // Живая старина. 1998. № 1 (17).
- Астырев Н. М. В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. М., 1898.
- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
- Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993.
- Внуков Р. Я. Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929.
- Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М., 1984. Т. 1.
- Естественные и производительные силы Курской губернии и экономическая деятельность населения. Курск, 1912.
- Жбанков Д. Н. Бабыя сторона: статистико-этнографический очерк. Кострома, 1891.
- Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.

- Крюкова С. С.* Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994.
- Кузнецов Я.* Положение членов крестьянской семьи по народным пословицам и поговоркам. СПб., 1909.
- Милоголова И. Н.* Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1987. № 6.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России: в 2 т. СПб., 2000. Т. 1.
- Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005.
- Мухина З. З.* «Девка на поре, не удержишь на дворе...» (О девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX – начале XX в. // Женщина в рос. обществе. 2010. № 3 (56).
- Мухина З. З.* Обретение социокультурного опыта как структурообразующего фактора повседневной жизни девушки-крестьянки Европейской России (вторая половина XIX–XX в.) // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Вып. 16, № 19 (90).
- Новиков А.* Записки земского начальника. СПб., 1899.
- Овчинников В. В., Тройно Ф. П.* История Белгородчины: Краеведение. Белгород, 2003.
- Отчет по Первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях. СПб., 1898.
- Попова А. Д.* «Правда и милость да царствуют в судах» (Из истории реализации судебной реформы 1864 г.). Рязань, 2005.
- Прокопович С. Н.* Бюджеты петербургских рабочих (по данным анкеты, произведенной 12-м (содействия труду) отделом ИРТО), 1909 г. // Кравченко С. А., Кравченко А. И. Антология социально-экономической мысли в России. СПб., 2000.
- Пушкарева Н. Л.* Женщина в русской семье (X–XX века) // Русские. М., 2005.
- Пушкарева Н. Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX века // Этногр. обозрение. 2009. № 5.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы (РКЖБН): матер. «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губ. СПб., 2004.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: матер. «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губ. Ч. 1: Пошехонский уезд. СПб., 2006.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: матер. «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губ. Ч. 2: Даниловский, Любимский, Борисоглебский уезды. СПб., 2006.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: матер. «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губ. СПб., 2005.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: матер. «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Т. 4: Нижегородская губ. СПб., 2006.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: матер. «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губ. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: матер. «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губ. Ч. 2: Кадниковский уезд. СПб., 2007.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: матер. «Этнографического бюро» кн. В. М. Тенишева. Т. 5: Вологодская губ. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды СПб., 2007.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: матер. «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губ. Ч. 4: Тотемский уезд. СПб., 2007.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: матер. «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губ. СПб., 2008. Русские. М., 2005.
- Семенова Тянь-Шанская О.* Жизнь «Ивана». М., 2010.
- Статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1874.
- Тольц М.С.* Брачность населения в России и СССР. М., 1977.
- Труды девятого губернского съезда врачей Костромской губернии. Кострома, 1905. Вып. 2.
- Успенский Г.* Крестьянские женщины (Из текущей народной жизни) // Рус. мысль. 1890. № 4.
- Щербинин П.* Плод страсти роковой: Солдатки и их незаконнорожденные дети в XIX – начале XX века // Родина. 2003. № 8.

Энгел Б. А. Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): матер. междунар. конф. М., 1996.

Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 2010.

Якушкин Е. И. Обычное право. Ярославль, 1896. Вып. 1.

Engel B. A. Between the Fields and the City. Cambridge, 2004.

Russian Peasant Women / ed. by B. Farnsworth, L. Viola. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1992.

The Family in Imperial Russia / ed. by D. L. Ransel. Urbana; Chicago; London, 1976.

Women in Russia / ed. by D. Atkinson, A. Dallin, G. W. Lapidus. The Harvester Press, 1978.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.04.2012

THE PECULIARITIES OF SOCIALIZATION PROCESS OF A RUSSIAN PEASANT WOMAN IN POST-REFORM EUROPEAN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIXth – BEGINNING OF THE XXth CENTURIES

Z. Z. Mukhina

Stary Oskol Technological Institute, branch of National Research Technological University «MISIS», Makarenko md., 42, Stary Oskol, Belgorod region, Russia 309516
mukhiny@mail.ru

The article deals with the processes of socialization of a Russian peasant woman, which is an important part of gender mainstreaming. The process of socialization lead to an active social and cultural assimilation of experience (social norms, values, behavior patterns, customs, traditions, believes), which is the basis of everyday life. In these processes the reproduction of peasant society has occurred both biologically and in the social aspect. In peasant society during girl's puberty a preparation for marriage was dominated. However, the processes of socialization were continued even after marriage, as acquiring socio-cultural experiences correlated with age, property and other stratification. Marriage of a peasant woman did not mean transition to a clearly and unambiguously defined state, it allowed vertical and horizontal variations. The vertical variability was made conditional on property and, consequently, social stratification.

Along with the traditional peasant family, attention is given to the change in the status of women associated with the modernization of the country, which affected all aspects of life of the peasant society. Men's seasonal work contributed to greater economic role of women, which stimulated the birth of new self-awareness, self-affirmation promoted by women. Performance of all domestic work (including male's one) in the absence of their husbands, who were earning money, made the society reconsider the women's status in the new capacity.

Key words: Russian peasant woman, family, everyday life, woman's status, tradition, children upbringing.

References

Adoneva S. B. O ritualnoy funktsii zhenshchiny v russkoy traditsii // Zhivaya starina. 1998. No. 1 (17).

Astyrev N. M. V volostnykh pisaryakh. Ocherki krestyanskogo samoupravleniya. Moscow, 1898.

Bayburin A. K. Ritual v traditsionnoy kulture. Saint Petersburg, 1993.

Byt velikorusskikh krestyan-zemleposhtsev. Opisanie materialov etnograficheskogo byuro knyazya V. N. Tenisheva (na primere Vladimirskoy gubernii). Saint Petersburg, 1993.

Dal V. I. Poslovitsy russkogo naroda. Moscow, 1984. Vol. 1.

Engel B. A. Between the Fields and the City. Cambridge, 2004.

Engel Barbara A. Babyya storona // Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.). Moscow, 1996.

Engelgardt A. N. Pisma iz derevni. Moscow, 2010.

Estestvennye i proizvoditelnye sily Kurskoy gubernii i ekonomicheskaya deyatelnost naseleniya. Kursk, 1912.

Kabakova G. I. Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoy traditsii. Moscow, 2001.

Kryukova S. S. Russkaya krestyanskaya semya vo vtoroy polovine XIX veka. Moscow, 1994.

Kuznetsov Ya. Polozhenie chlenov krestyanskoy semi po narodnym poslovtscam i pogovorkam. Saint Petersburg, 1909.

Milogolova I. N. Semeynye razdely v russkoy poreformennoy derevne // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. 1987. No. 6.

Mironov B. N. Sotsialnaya istoriya Rossii. Saint Petersburg, 2000. Vol. 1.

Mukhina Z. Z. «Devka na pore, ne uderzhish na dvore...» (O devichey chesti v krestyanskoy srede Tsentralnoy Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka // Zhenshchina v rossiyskom obshchestve. 2010. No. 3 (56).

- Mukhina Z. Z.* Obretnie sotsio-kulturnogo opyta kak strukturoobrazuyushchego faktora povsednevnoy zhizni devushki-krestyanki Evropeyskoy Rossii (vtoraya polovina XIX–XX vv.) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 2010. No. 19 (90). Is. 16.
- Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoy traditsionnyj kulture. Saint Petersburg, 2005.
- Novikov A.* Zapiski zemskogo nachalnika. Saint Petersburg, 1899.
- Otchet po Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya 28 yanvarya 1897 goda v Tverskoy, Yaroslavskoy i Kostromskoy guberniyakh. Saint Petersburg, 1898.
- Ovchinnikov V. V., Troyno F. P.* Istoriya Belgorodchiny. Kraevedenie. Belgorod, 2003.
- Popova A. D.* «Pravda i milost da tsarstvuyut v sudakh» (Iz istorii realizatsii sudebnoy reformy 1864 goda). Ryazan, 2005.
- Prokopovich S. N.* Byudzhety peterburgskikh rabochikh (po dannym ankety, proizvedennoy 12-m (sodeystviya trudu) otdelom IRTO), 1909 god // Kravchenko S. A., Kravchenko A. I. Antologiya sotsialno-ekonomicheskoy mysli v Rossii. Saint Petersburg, 2000.
- Pushkareva N. L.* Pozoryashchie nakazaniya dlya zhenshchin v Rossii XIX – nachala XX veka // Etnograficheskoe obozrenie. 2009. No. 5.
- Pushkareva N. L.* Zhenshchina v russkoy seme (X–XX veka) // Russkie. Moscow, 2005.
- Russian Peasant Women / ed. by B. Farnsworth, L. Viola. New York, Oxford, 1992.
- Russkie krestyane: Zhizn. Byt. Nnavy (RKZhBN): Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva. Vol. 1: Kostromskaya i Tverskaya gubernii. Saint Petersburg, 2004.
- Russkie krestyane: Zhizn. Byt. Nnavy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva. Vol. 2: Yaroslavskaya gub. P. 1: Poshehonskiy uезд. Saint Petersburg, 2006.
- Russkie krestyane: Zhizn. Byt. Nnavy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva. Vol. 2: Yaroslavskaya gub. P. 2: Danilovskiy, Lyubimskiy, Borisoglebskiy uезdy. Saint Petersburg, 2006.
- Russkie krestyane: Zhizn. Byt. Nnavy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva. Vol. 3: Kaluzhskaya gub. Saint Petersburg, 2005.
- Russkie krestyane: Zhizn. Byt. Nnavy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva. Vol. 4: Nizhegorodskaya gub. Saint Petersburg, 2006.
- Russkie krestyane: Zhizn. Byt. Nnavy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva. Vol. 5: Vologodskaya gub. P. 1: Velskiy i Vologodskiy uезdy. Saint Petersburg, 2007.
- Russkie krestyane: Zhizn. Byt. Nnavy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva. Vol. 5: Vologodskaya gub. P. 2: Kadnikovskiy uезд. Saint Petersburg, 2007.
- Russkie krestyane: Zhizn. Byt. Nnavy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. M. Tenisheva. Vol. 5: Vologodskaya gub. P. 3: Nikolskiy i Solvychegodskiy uезdy Saint Petersburg, 2007.
- Russkie krestyane: Zhizn. Byt. Nnavy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva. Vol. 5: Vologodskaya gub. P. 4: Totemskiy uезд. Saint Petersburg, 2007.
- Russkie krestyane: Zhizn. Byt. Nnavy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva. Vol. 6: Kurskaya, Moskovskaya, Olonetskaya, Pskovskaya, Sankt-Peterburgskaya i Tul'skaya gubernii. Saint Petersburg, 2008.
- Russkie. Moscow, 2005.
- Semenova Tyan-Shanskaya O.* Zhizn «Ivana». Moscow, 2010.
- Shcherbinin P.* Plod strasti rokovoy. Soldatki i ikh nezakonnorozhdennye deti v XIX – nachale XX veka // Rodina. 2003. No. 8.
- Statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii. Saint Petersburg, 1874.
- The Family in Imperial Russia / ed. by D. L. Ransel. Urbana; Chicago; London, 1976.
- Tolts M. S.* Brachnost naseleniya v Rossii i SSSR. Moscow, 1977.
- Trudy devyatogo gubernskogo sezda vrachey Kostromskoy gubernii. Is. 2. Kostroma, 1905.
- Uspenskiy G.* Krestyanskie zhenshchiny (Iz tekushchey narodnoy zhizni) // Russkayja mysl. 1890. No. 4.
- Vnukov R. Ya.* Protivorechiya staroy krestyanskoy semi. Orel, 1929.
- Women in Russia / ed. by D. Atkinson, A. Dallin, G. W. Lapidus. The Harvester Press, 1978.
- Yakushkin E. I.* Obychnoe pravo. Yaroslavl, 1896. Is. 1.
- Zhbankov D. N.* Babya storona. Statistiko-etnograficheskij ocherk. Kostroma, 1891.